

Темиртау и «Броненосец Потемкин»

За нераспорядительность отец попенял на Пленуме республиканскому секретарю Николаю Ильичу Беляеву, досталось и главе правительства Динмухамеду Ахмедовичу Кунаеву, но этим ограничился. Однако тучи над головой Николая Беляева сгущались не только в связи с неурожаем на целине. В первых числах августа в казахском предгорном городишке Темиртау, на строительстве Карагандинского металлургического комбината произошла массовая драка, закончившаяся разграблением магазина и близлежащего колхозного рынка, разгромом отделения милиции и даже перестрелкой. Пришлось вызывать войска. В результате погибло 11 человек, ранили 141 человека, из них 109 человек военнослужащих. В пик волнений, 2–3 августа, на работы не вышло 25 тысяч человек.

Политической подоплеку волнения не имели. По мнению разбиравшейся в произошедшем комиссии Прокуратуры СССР, причиной всему послужили дезорганизованность и «преступно-пренебрежительное отношение властей к бытовым нуждам рабочих, необеспечение их жильем, доброкачественным питанием, плохой организацией труда, неудовлетворение самых насущных нужд строителей...»

Но именно с «преступно-пренебрежительного отношения властей» и начинались революции от Великой Французской и далее по списку.

Генерал МВД Чистяков, проводивший независимую проверку, уточняет: «В мае-июле 1959 года на строительство прибыло большое количество молодежи, преимущественно в возрасте 17–20 лет. Руководство строительства к их приему оказалось не готово, расселило приехавших в палатках, многие из которых протекали, попросту оказались рваными... Фронт работ не подготовили, люди по две-три недели к работе не приступали, а если и работали, то по два-три часа в день. Заработная плата, соответственно, оказалась ниже прожиточного минимума... Питание организовано отвратительно, не хватало вилок, ножей, ложек, продукты испорчены, мясо стухло, рабочие обнаруживали в пище червей.

Начальство претензии выслушивать не желало».

В общем, «Броненосец Потемкин», да и только. Фильм о восстании на корабле в 1905 году, поводом к которому послужило червивое мясо, как назло накануне крутила кинопередвижка.⁵⁷

К счастью, на сей раз обошлось без революции, строители «выпустили пар» и этим ограничились. Президиум ЦК трижды рассматривал «дело Темиртау», 25 сентября и 2 октября, в отсутствие отца, во время его зарубежных визитов, сначала в США, а потом в Китай, и еще раз с его участием – 17 октября. Кунаев жаловался Хрущеву и на Беляева, и на то, что члены Президиума ЦК не смогли во всем разобраться. За собой ответственности за происшедшее он не чувствовал. По-восточному хитрый Кунаев решил воспользоваться случаем, чтобы выдворить москвича из республики.

После дополнительного разбирательства сменили руководство, от комбината до совнархоза и Карагандинского обкома, но самого Беляева пока не тронули. Кунаев не успокоился, продолжил «копать» под Беляева, теперь уже не только в связи с Темиртау, но и по более широкому фронту, обвинил его в некомпетентности, грубости, ущемлении местных кадров, во всем том, что в сталинские времена редко не заканчивалось арестом.

В Казахстан послали комиссию во главе с Брежневым. Он встал на сторону Кунаева. Они сдружились, когда сам Брежнев стоял во главе Казахстанского ЦК. «От Беляева необходимо избавляться» – вот главная мысль доклада Брежнева на заседании Президиума ЦК

⁵⁷ Подробно события в Темиртау 2–3 августа 1959 года описаны в книге В. А. Козлова «Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе» (Новосибирск, Сибирский хронограф, 1999).

7 января 1960 года. Присутствовавший тут же Беляев не сопротивлялся, свои ошибки признал, согласился, что «видимо, не дорос до деятеля большого плана», каялся, «просил бы верить ему, что он старался».

– Товарищу Беляеву подсказывали, но он не прислушивался, – наступал Кунаев. – Товарищ Беляев по радио руководил. Проявлял трусость в работе.

«Местные товарищи», все казахи, Кунаева активно поддерживали. Они не сомневались в том, что Беляев уходит и на смену ему придет Кунаев. Одни говорили о «тяжелом характере товарища Беляева, о его высокомерии», другие – что он «оторвался от масс», третьи о его «негодном стиле работы, текучке, отсутствии планов». Другими словами, говорили все то, что следует говорить, когда все всем ясно.

Только алма-атинский областной партийный секретарь М. Б. Бейсембаев проявил «самодетельность»: присоединившись к общему мнению, что товарищ Беляев сухой человек, необщителен, не располагает к себе, не знает многих работников, не «обошел вниманием» и Кунаева, который, по его мнению, «много обещает, но не выполняет».

– Товарища Беляева переоценили, – подвел итог обсуждения отец. – Напрасно на него надеялись. Он оказался недостаточно подготовленным, грубым. Нужен человек погибче.

И тут отец начал перебирать возможные кандидатуры на его замену: Брежнев, Игнатов, первых секретарей Воронежского обкома Алексея Михайловича Школьников и Оренбургского Геннадия Ивановича Воронова. Обоих их отец хорошо знал. Всплывала и фамилия Кунаева, но только в числе прочих.

Брежнев с Игнатовым от Казахстана открещивались как черт от ладана. Себя они не видели нигде, кроме Москвы. В России существует единственный путь наверх с периферии в столицу, и они его проделали. Перемещение в обратном направлении... Перед глазами стоял пример самого Беляева, два года назад он, член Президиума, секретарь ЦК, легкомысленно согласился пойти «на Казахстан» и теперь оказался ни с чем. Игнатов вообще расстроился донельзя, он метил в кресло Первого секретаря ЦК, а тут какая-то Алма-Ата. Исчерпав все аргументы, он даже сослался на слабое здоровье.

Отец не настаивал и, воспользовавшись моментом, Брежнев осторожно предложил поискать кандидатуру на месте. Так снова выплыла кандидатура Кунаева. По мнению Леонида Ильича, он республику знает и инициативен. Отец согласился.

19 января 1960 года Пленум ЦК Компартии Казахстана освободил товарища Беляева и избрал Первым секретарем ЦК Кунаева.

Горбачев отправит Кунаева на пенсию в 1986 году.

По всем меркам Беляев легко отделался. Раньше за подобные грехи... Теперь же не сталинские времена, к «кадрам» относились «бережно».

«Бережно» обошлись не с одним Беляевым. На июньском 1959 года Пленуме отец напрямую обвинил руководителей Новосибирской области «в обмане государства при проведении закупок хлеба». И что же? Провинившихся «наградили» выговорами, кое-кого сняли с работы, но тут же назначили в другие области или республики, некоторых даже без понижения.

«Кадры» тем временем, перестав трепетать перед центральной властью, ведь не сталинские же времена, все меньше обращали на нее внимание. Страх ушел, «партийная сознательность» еще раньше растворилась в бюрократической «соляной кислоте». Для того чтобы система функционировала, следовало предложить что-то взамен.

По мнению отца, вместо сталинской дубинки должна прийти материальная заинтересованность, когда каждый, от колхозника на поле и рабочего у станка до самого высокого руководителя, твердо знает, зачем он работает и что за свою работу получит.

С отцом все привычно соглашались, но дело двигалось медленно, а заинтересованность оказывалась какой-то уродливой. У районных и областных начальников она выража-

лась в том, чтобы вовремя подхватить «почин» и отчитаться, скажем, о севе, а там хоть трава, то есть кукуруза, не расти. Отец пытался подойти к решению проблемы с разных сторон. Чтобы установить хоть какой-то порядок, договорились определять эффективность сельскохозяйственных предприятий по выходу продукции со ста гектаров пашни. И тут все согласились, и так же быстро приспособились. Нельзя сказать, чтобы эффективность производства не возрастала, она росла и даже весьма заметно, но энтропия росла быстрее. Регионы, один за другим, «заболевали» местничеством, стремились выскользнуть из узды центра, даже руководители помельче, вроде директора строительства в Темиртау, отбились от рук.

Все это сигналы приближающегося системного кризиса. Одолеть его можно, только так выстроив отношения производителя с центром, чтобы самому производителю стало выгодно наводить порядок, бороться с энтропией. Материальная заинтересованность, тут отец совершенно прав, позволяла увязать верха и низы в единое целое, заставить работать всех на себя и одновременно каждого на всех.

Отец отчетливо представлял, чего он хочет добиться, но пока не мог понять как. Он выслушивал советы имевших к нему доступ экономистов, пробовал то одно, то другое, и все без особой пользы. Он постепенно убеждался, что от этих доставшихся ему в наследство от Сталина экономистов толку не добиться. Но других пока не было.